

УДК 811.161

О. Г. Твердохлеб**СПОСОБЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ
ОБЪЕКТОВ СРАВНЕНИЯ ПРИ КОМПАРАТИВАХ
В ПОЭЗИИ А. А. АХМАТОВОЙ**

В статье предпринята попытка установить связь языковых особенностей поэтических текстов А. А. Ахматовой с эстетическими требованиями акмеистов — «вещностью» и логичностью. Показано, что в компаративных конструкциях в зависимости от грамматического оформления объекта сравнения при компаративах поэтессы с разной степенью частотности употребляет несколько моделей: 1) «компаратив + род. пад. имени существительного»; 2) «компаратив + всех / всего»; 3) «компаратив + союз...».

Ключевые слова: акмеизм, компаратив, А. А. Ахматова, вещьность; логичность.

Возросшее внимание современной лингвистики к междисциплинарным исследованиям на стыке литературоведения и лингвистики, рассматривающим лексику, семантику и стилистику художественного языка в единстве с поэтикой, делает наше исследование художественной речи поэтов Серебряного века актуальным.

Со времени своего возникновения поэзия акмеизма (С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, М. А. Зенкевич) интересовала в первую очередь литературоведов (В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, М. Л. Гаспаров, Л. Г. Кихней, О. А. Клинга, Е. В. Меркель, О. А. Лекманов, Р. Д. Тименчик, О. В. Червинская и мн. др.), известны и лингвистические работы (В. В. Виноградов, С. С. Аверинцев и др.).

Важное место в литературе акмеизма занимает поэзия Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966). Её поэтический мир также в большей степени исследовался в литературоведческом и философском аспектах [2], [10], [12], [19], [21]). Однако есть и работы, посвящённые её поэтическому языку ([4]; [6]; [20]), напр., вопросам её синтаксиса и лаконичности ([9]; [1]) и др. Однако до сих пор остаётся много невыясненного.

И. Программные манифесты акмеизма в начале XX века провозгласили первостепенными для поэзии — в противовес поэзии символизма — логику и «вещность». В 1913 году выходят две знаменитые ста-

Твердохлеб Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка (Оренбургский государственный педагогический университет); e-mail: ogtwrd@gmail.com

© Твердохлеб О. Г., 2016

тьи – «Наследие символизма и акмеизм» Николая Степановича Гумилёва (1886–1921) и «Некоторые течения в современной русской поэзии» Сергея Мигрофановича Городецкого (1884–1967), где было заявлено полное и «бесповоротное приятие» земного, материального мира «во всей совокупности красот и безобразий» [6, с. 205] и что «перед лицом небытия – все явления братья» [7]. Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938), в «Утре акмеизма» (1918) указывая на возникший культ вещей, «утвари», «вещи больше самой вещи», пробудил интерес к логике как «царству неожиданности», восхищается «прекрасною поэтической темой $A = A$ » [15, с. 179].

Как мы уже указывали, логичность потребовала вовлечения в акмеистический художественный текст определенных грамматических построений, каковыми становятся у акмеистов «разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику – степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния» [18, с. 200].

Реальность в сравнениях, обычно имеющих три элемента [8]: *субъект сравнения, объект сравнения и основание сравнения*, отражается вне действия, статически, поэтому компаративные формы, предназначенные для выражения градационного сравнения (по соотношению меры), для выражения «вещности», в состоянии статики оказываются весьма к месту.

II. Объектом данной статьи стал язык поэзии А. А. Ахматовой, в том числе способы грамматического оформления объектов сравнения при компаративах, помогающие выполнению эстетических задач акмеистов. Путём сплошной выборки из поэтического подкорпуса по запросу «А. А. Ахматова» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [14] нами было обнаружено более 200 случаев.

III. Проведённый анализ полученных нами конструкций в зависимости от грамматического оформления объекта сравнения при компаративах выявил несколько групп: 1) «компаратив + род. пад. имени существительного»; 2) «компаратив + *всех / всего*»; 3) «компаратив + союз...». Опишем детально каждую модель.

1. Модель «компаратив + род. пад. имени существительного». Заявленная акмеистами «вещность» потребовала называния этих «вещей», определившего «преобладание в стихах имен существительных и незначительную роль глагола» [17, с. 11]. Это в свою очередь обусловило морфологические особенности конструкций, включающих компаративы, и наибольшее функционирование «одного из излюбленных Ахматовой средств нового, непривычного сцепления «фраз»» [4, с. 409] – компаративов с объектом, обозначенным именем в родительном падеже.

Объект сравнения в форме родительного падежа представлен:

а) именем существительным (в том числе субстантивированным прилагательным), называющем:

– как неодушевлённые предметы, напр.: *А тебе от речи моей / Стали ночи светлее дней* («Как у облака на краю...») (Здесь и далее все примеры даются по НКРЯ [14]); *А небо ярче синего фаянса* («Весенним солнцем это утро пьяно...»); *Эти глаза зеленее моря* (У самого моря); *Хрупче воска – тело* (Сказка о чёрном кольце);

– так и одушевлённых существ, напр.: *А я стала безродных безродней* («Позвони мне хотя бы сегодня...»); *А теперь, усопших бестелесней / <...> Я к нему влетаю* («Первый луч – благословенье Бога...»);

б) местоимениями (подчёркивающими интимность повествования) только множественного числа, а именно:

– личными 1-го и 2-го лица, указывающими на некое объединение, в частности, местоимение *мы* указывает на 'я-автора, я-лирического героя и ещё кого-то', ср.: *Но в мире нет людей бесслёзней, / Надменнее и проще нас* («Не с теми я, кто бросил землю...»); *И, наверное, нас разлученней / В этом мире никто не бывал* (Через много лет); а местоимение *вы* на 'окружение автора, лирического героя', напр.: *А теперь он знает все не хуже / Мудрых и старых вас* («Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»).

– определительным местоимением *другой*, напр.: *Тот, кто был других смелее...* (Сказка о черном кольце); *Он не лучше других и не хуже...* (Поэма без героя). Вводя в такую конструкцию ещё одно (притяжательное) местоимение *твоя*, согласующееся с именем в позиции субъекта сравнения, поэтесса создаёт ещё большую интимность, ср.: *Твоя избранница покорней Других...* (Последнее письмо).

По отношению к компаративу имена в роли объекта сравнения расположены: а) чаще в постпозиции (прямой порядок), реже в препозиции (инверсия); б) чаще контактно; дистантно единично.

2. Модель «компаратив + *всех* / *всего*».

1) Модель «компаратив + род. пад. местоимения *всех*». При помощи местоимения «в форме род. п. мн. ч. (*всех*)» обычно образуется сложная превосходная степень (описательный способ), выражающая «значение большой степени проявления признака» [18, § 1307].

В стихах А. А. Ахматовой конструкция с описываемой моделью субъект сравнения представлен:

а) именем существительным, называющим лицо (единичны примеры): *Быть может, презреннее всех на земле / Нарушитель клятвы не данной* («Быть может, презреннее всех на земле...»);

б) местоимениями, обычно личными, но только 1-2 лица (подчеркивающими свойственную поэтессе особую интимность повествования): *Оставь, и я была как все, / И хуже всех была* («Оставь, и я была как все...»); *Неужто я всех виноватей / На этой планете была?* (Подражание Кафке); *И я стала всех сильней на свете* («Если б все, кто помощи душевной...»); *А ты, конечно, всех проворней* (Последнее письмо); *Несносен ты и своенравен, / Но почему-то всех милей* (Последнее письмо).

В лингвистической литературе указывается, что к синтетической форме компаратива прибавляется вспомогательное слово *всех*, «если характеризуемый предмет одушевленный» [11, с. 238; 3, с. 41]. Действительно, приведённые выше примеры соответствуют этому утверждению. Однако в нашей картотеке имеются и неодушевлённые субъекты сравнения при компаративе с лексемой *всех*, ср.: *Какой короткой сделалась дорога, / Которая казалась всех длинней* («Не мудрено, что похоронным звоном...»); *Всех наряднее и всех выше, <...> Голова Madame de Lamballe* (Поэма без героя); *И какою-то сотою мукой, / Что всех чище и всех черней* (Запретная роза).

Лексема *всех* по отношению к основанию сравнения может находиться: а) в постпозиции, напр.: ...*Чтобы стала лучше всех* («Путник милый, ты далече...»); ср. также пример с цитатой: *Стала б я «богаче всех в Египте», / Как говаривал Кузмин покойный...* («Если б все, кто помощи душевной...»); в препозиции (несколько чаще): *Какой короткой сделалась дорога, / Которая казалась всех длинней* («Не мудрено, что похоронным звоном...»); б) (обычно) контактно (примеры выше); дистантно (единично): *Я голубку ей дать хотела, / Ту, что всех в голубятне белей* («Муза ушла по дороге...»); *Я всех на земле виноватей, / Кто был и кто будет, кто есть* («Кому и когда говорила...»).

В стихотворном предложении с описываемой моделью у А. Ахматовой обычно представлен одиночный компаратив (примеры выше).

При необходимости различного рода уточнений для эмоционального усиления поэтесса нагнетает однородные основания сравнения. Ср.:

– пары компаративов, соединённых сочинительным соединительным союзом *и*, с препозицией повторяющегося слова *всех*: *Всех наряднее и всех выше, <...> Голова Madame de Lamballe* (Поэма без героя); *И какою-то сотою мукой, / Что всех чище и всех черней* (Запретная роза);

– пары компаративов с препозицией и с постпозицией по отношению к разным основаниям сравнения повторяющегося слова *всех*: *Всегда нарядней всех, всех розовой и выше, / Зачем всплываешь ты со дна погибших лет* (Гень);

– либо три компаратива, но с одной лексемой *всех*: *Их было много, и они казались Всех благородней, сдержанней, скромнее* (Пауки в окне).

3) Модель «компаратив + *всего*». Так же, как и в предыдущем случае, описательным способом при помощи местоимения «в форме род. п. ед. ч. сред. р. (*всего*)» обычно образуется сложная превосходная степень для выражения «значения большой степени проявления признака» [16, § 1307]. Такую модель мы и встречаем в стихах А. А. Ахматовой: *Прощали мне (и то всего милее) / Они друг друга* («О, как меня любили ваши деды...»); *Заключение не бывшего цикла / Часто сердцу труднее всего* (Последний день в Риме).

Относительно вспомогательного слова *всего* в лингвистической литературе указывается, что оно прибавляется к синтетической форме

компаратива, «если характеризуемый предмет неодушевлённый» [11, с. 238]. И так же, как и в предыдущем случае, обнаруженные нами примеры соответствуют этому утверждению лишь отчасти, так как имеются и неодушевлённые субъекты сравнения при компаративе с лексемой *всего*: *Море, круглая бухта, высокий маяк, / А всего непрерывной — полюнь...* («По неделе ни слова ни с кем не скажу...») (см. также приведённые выше случаи), и одушевлённые, ср.: *Пускай я не сон, не отрада / И меньше всего благодать (Первое предупреждение); И доблесть народа, и доблесть того, / Кто нам и родней, и дороже всего, / Кто — наше победное знамя!* («Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»).

Лексема *всего* по отношению к основанию сравнения может находиться:

1) как в постпозиции, так и в препозиции, даже при одном и том же компаративе, ср., напр., две пары конструкций:

а) с лексемой *прочнее*:

– постпозиция: *И прочнее ижевской стали / (Это значит, прочнее всего) / Слово то, что сказал нам Сталин, — / Наша слава и торжество (Волга — Дон);*

– препозиция: *Всего прочнее на земле печаль* («Кого когда-то называли люди...»);

б) с лексемой *сильнее* (сильней):

– постпозиция: *«Сильней всего на свете / Лучи спокойных глаз»* («Горят твои ладони...»);

– препозиция: *И весь день не замолкали звоны <...> Здесь всего сильнее от Ионы / Колокольни лаврские вдали* («Стал мне реже снится, слава Богу...»);

2) контактно с компаративом (практически во всех случаях): *И голос мой — и это, верно, было / Всего страшней — сказал из темноты:* («Так вот он — тот осенний пейзаж...»); *Пускай я не сон, не отрада / И меньше всего благодать (Первое предупреждение); *Мое молчанье <...> В том, что неизвестней / Всего на свете* (Из седьмой северной элегии);*

3) дистантное расположение единично: *И будет свиданье / Печальной стократ / Всего, что когда-то / Случилось со мной...* (Путем вся земля).

В абсолютном большинстве обнаруженных конструкций в стихотворениях Анны Ахматовой компаратив одиночен: *«Белей всего на свете / Была ее рука»* («Горят твои ладони...»). Повтор однородных компаративов единичен: *И доблесть народа, и доблесть того, / Кто нам и родней, и дороже всего, / Кто — наше победное знамя!* («Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»). Ср. также случай с нагнетанием однородных субъектов сравнения (*дорога, мост, то*) при одном компаративе (*милей*): *Но мне всего милей / Лесная и пологая дорога, / Убогий мост, скривившийся немного, / И то, что ждать осталось мало дней* («Бессмертник сух и розов. Облака...»).

3. Модель «компаратив + союз...» представлена вариантами с разными союзами. Для выражения сравнительной связи в современном русском языке имеется большая группа союзов: *как, будто, что, точно, словно, чем* — и их разнообразные соединения друг с другом [16, §§1673 – 1683]; в

нашем материале при компаративе находим лишь некоторые из этих союзов, при этом наиболее частотен союз *чем*.

1) Модель «компаратив + *чем*...». Союз *чем* в указанной модели стилистически нейтрален, поэтому примеры с компаративами в объединении с союзом *чем*, оформляющими градацию сравнения, у А. Ахматовой многочисленны, напр.: *С покатых гор ползут снега, / А я белей, чем снег* (Песенка). Конструкции с описываемой моделью близки по значению к предложениям отрицательно-противительным, с союзами *а (не)*, *но (не)*, *да (не)*. Так, предложение: *А глаза синей, чем лёд* (Рыбак) – содержит не только сравнение, но и значение ‘*синей глаза, а не лёд*’. Такое синкретичное (сравнение и отрицание) значение при простоте и краткости формы также способствует широкому использованию поэтессой описываемой модели.

В стихотворных предложениях Анны Ахматовой союз *чем* вводит в позицию восполнения:

– сравнительный оборот, развивающий обстоятельственное значение меры и степени и выраженный либо отдельным словом (обычно имя существительное / субстантивированное прилагательное в именительном падеже), напр.: *Как и жить мне с этой обузой, / А ещё называют Музой, <...> Жёстче, чем лихорадка, оттрепет, / И опять весь год ни гу-гу* (Муза); *Но хочет Мелхола — Давида. / Бледнее, чем мертвая; рот её сжат* (Мелхола); либо простым словосочетанием (имя существительное в именительном падеже и согласующееся с ним имя прилагательное / притяжательное местоимение): *Высокие своды костёла / Синей, чем небесная твердь...* («Высокие своды костёла...»); *Над городом древним алмазные русские ночи / И серп поднебесный желтее, чем липовый мед* (Бежецк); *Отчего же, отчего же ты / Лучше, чем избранник мой?* («Сердце к сердцу не приковано...»);

– придаточное сравнительное, где предметом сравнения выбирается целое событие, сюжет, образная картина: *Удивляйтесь, что была печальней / Между молотом и наковальней, / Чем когда-то в юности была...* («Удивляйтесь, что была печальней...»).

При этом как сравнительный оборот, так и сравнительное придаточное расположены по отношению к компаративу:

– в абсолютном большинстве случаев в постпозиции, ср.: *Таинственной, чем пышный Летний сад, / Она была* («Тот голос, с тишиной великой споря...»); *Врачуй мне душу, а не то / Я хуже чем умру* («Врачуй мне душу, а не то...»); *Отчего же, отчего же ты / Лучше, чем избранник мой?* («Сердце к сердцу не приковано...»); *Но, может быть, чаще, чем надо, / Придётся тебе вспоминать* (Первое предупреждение);

– в одном примере в препозиции: *Но для меня непоправимо милый, / И чем темней, тем трогательней ты* («А ты теперь тяжёлый и унылый...»). Единичность объяснима несвойственностью такого построения русскому языку: в лингвистической литературе даже говорится, что компонент, вводимый союзом *чем*, находящийся «в сильной связи с главным членом, неотделим от предиката, входит обязательным компонентом в предика-

тивное содержание предложения» и потому «не бывает в препозиции» [3, с. 39; см. также: 15, с. 97–99];

– контактно (обычно): *О, есть ли что на свете мне знакомей, / Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!* (Ленинград в марте 1941); *А дорога до погоста / Во сто раз длинней, / Чем тогда, когда я просто / Шла бродить по ней* («За узором дымных стекол...»); *Ты свободен, я свободна, / Завтра лучше, чем вчера* («Сердце бьётся ровно, мерно...»); *Но в мире нет власти Грозней и страшней, / Чем вещее слово поэта* («... Но в мире нет власти...»); *Чтобы сырость октябрьского дня / Стала слаще, чем майская нега...* («Не страшай меня грозной судьбой...»); дистантно (реже): *Но для меня непоправимо милый, / Пышнее нету торжества, / Чем твой уход, Последняя!* («Пусть так теряют смысл слова...»); *А этим дурочкам нужней / Сознать полное победы, / Чем дружбы светлые беседы / И память первых нежных дней* («Я не любви твоей прошу...»); *И чем темней тем трогательней ты* («А ты теперь тяжёлый и унылый...»); *Удивляйтесь, что была печальней / Между молотом и наковальней, / Чем когда-то в юности была...* («Удивляйтесь, что была печальней...»).

Среди конструкций сопоставления по степени проявления (по интенсивности) признака во времени выявлен вариант описанной модели — «компаратив + *тем...* + *чем...*». Так, у одного и того же предмета (*ты*) в стихотворном предложении: *Но для меня непоправимо милый, / И чем темней, тем трогательней ты* («А ты теперь тяжёлый и унылый...»), признак (*трогательнее*), названный компаративом главного предложения и соизмеряемый на фоне признака (*темней*), названным компаративом в придаточной части, проявляется в разное время неодинаково (содержится то в большей, то в меньшей степени).

2) Модель «компаратив + *как (как будто)...*». В русском языке наметилось функциональное противопоставление, имеющее «почти абсолютный (симметричный) характер»: сравнение расподобляющего типа выражается в предложениях при компаративе с союзом *чем* ↔ сравнение уподобляющего типа выражается в предложениях с положительной степенью прилагательного или наречия с союзом *как* [16, § 2812]. Поэтому в текстах А. А. Ахматовой сравнительный оборот и сравнительное придаточное с союзами *как, как будто* связаны с компаративом только опосредованно, ср.: *И крапива запахла, как розы, но только сильнее* («Небывалая осень построила купол высокий...»); *И тополя, как сдвинутые чаши, / Над нами сразу зазвонят сильнее, / Как будто пьют за ликованье наше На брачном пире тысячи гостей* (Воронеж).

3) Модель «компаратив + *что...*», при помощи которого присоединяется придаточная сравнительная к компаративу, в нашей картотеке представлена единичным случаем: *Может быть, лучше, что я не стала / Вашей женой* («Память о солнце в сердце слабеет...»);

4–5) Модели «компаратив + *точно...*» и «компаратив + союз *словно...*» нами не выявлены, хотя подкорпус по А. А. Ахматовой в НКРЯ [14] даёт

единственный пример с союзом *точно* в составе сравнительного оборота: *Молния блеснула, точно спичка, И на тусклом небе умерла* («По полу лучи луны разлились...») и чуть более десятка примеров со сравнительным оборотом и со сравнительным придаточным, включающим в свой состав союз *словно*: *Там, словно Офелия, пела / Всю ночь нам сама тишина* (Предвесенняя элегия). Отсутствие компаративных сравнений с зависимыми от них объектными конструкциями с союзами *как будто, точно, словно*, мыслимых в языке как предположительные, условные, обозначающих приблизительное сходство предметов, можно объяснить акмеистическим стремлением поэтессы к «вещности», а потому точности изображаемого.

Таким образом, языковые особенности поэтических текстов А. А. Ахматовой связаны с эстетическими требованиями акмеистов — «вещностью» и логичностью: в зависимости от грамматического оформления объекта сравнения при компаративах поэтессы с разной степенью частотности употребляет конструкции, построенные по модели: 1) «компаратив + род. пад. имени существительного»; 2) «компаратив + *всех / всего*»; 3) «компаратив + союз...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Лаконичность лирики Ахматовой // «Царственное слово». Ахматовские чтения. Вып. 1. М.: Наследие, 1992. С. 29–40.
2. Артюховская Н. И. Акмеизм и раннее творчество А. Ахматовой (поэт и течение): дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 198 с.
3. Болгарова Р. М., Сафонова С. С. Сравнения в русском и татарском языках: семантико-функциональный и сопоставительный аспекты. Казань: Отечество, 2015. 136 с.
4. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1976. С. 367–459.
5. Виноградов В. В. О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Альманах I. Петербург: Колос, 1922. С. 92–237.
6. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. М.: Московский рабочий, 1997. С. 202–207.
7. Гумилёв Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45. URL: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 05.06.2016).
8. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: МГУ, 1961. 508 с.
9. Жирмунский В. М. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926 / В. М. Жирмунский. Л.: Academia, 1928. С. 332–336. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 05.06.2016).
10. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2012. № 3. С. 55–62.
11. Клобуков Т. В. Превосходная степень // Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под. ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1991. С. 238–239.

12. Кормилов С. И. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. М.: МГУ, 1998. 128 с.
13. Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (дата обращения: 05.06.2016).
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015).
15. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учебное пособие для филологических спец. вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
16. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1–2. URL: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения: 11.07.2016).
17. Совсун В. Акмеизм, или Адамизм // Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1930. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le1/le1-0702.htm> (дата обращения: 05.06.2016).
18. Твердохлеб О. Г. Объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени в акмеистическом языке М. А. Зенкевича // NovaInfo.Ru. 2016. № 47-3. С. 199–205.
19. Тименчик Р. Д. К семиотической интерпретации «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973. Вып. 308. С. 438–442.
20. Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // О поэзии / Б. Эйхенбаум. Л.: Советский писатель, 1969. С. 75–147.
21. Яковлева Л. А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой: дисс. ... канд. филол. наук. Нерюнгри, 2014. 208 с.

* * *

Tverdokhleba Olga G.**WAYS OF GRAMMATICAL REGISTRATION OF THE OBJECTS OF COMPARISON WHEN MAKING COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE POETRY OF A. A. AKHMATOVA**

(Orenburg State Teacher Training University, Orenburg)

The article makes an attempt to communicate linguistic characteristics of the poetry of A. A. Akhmatova with the aesthetic requirements of the acmeists — «materiality» and logicity. It is shown that in comparative constructions, depending on gramatical execution of the object of comparison, the poet with a different degree of frequency uses several models: 1) «comparative + genitive noun»; 2) «comparative + all / all»; 3) «comparative + union...».

Keywords: acmeism; comparative, A. A. Akhmatova, materiality; consistency.

REFERENCES

1. Admoni V. G. Concise lyrics Akhmatova [Lakonichnost' liriki Ahmatovoj], «Carstvennoe slovo». *Akhmatovskie chteniya* (A «Royal word». Akhmatova readings), vol. 1, Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 29–40.
2. Artyuhovskaya N. I. *Akmeizm i rannee tvorchestvo A. Ahmatovoj (poet i techenie)* (Acmeism and early works of Anna Akhmatova (Poet and over)), Diss. kand. fil. Nauk, Moscow, 1981. 198 p.
3. Bolgarova R. M., Safonov S. S. *Sravneniya v russkom i tatarskom yazykah: semantiko-funkcional'nyj i sopostavitel'nyj aspekty* (Comparison in Russian and Tatar languages: semantic and functional and comparative aspects), Kazan', Otechestvo Publ., 2015. 136 p.
4. Vinogradov V. V. About the poetry of Anna Akhmatova (Stylistic sketches) [O poehzii Anny Ahmatovoj (Stilisticheskie nabroski)], *Poetika russkoj literatury*.

- Izbrannye trudy* (The Poetics of Russian literature: Selected works). Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 367–459.
5. Vinogradov V. V. About the symbolism of Anna Akhmatova [O simvolike A. Ahmatovoj], *Literaturnaya mysl'*. *Al'manah I* (Literary thought. Almanac I). Petersburg, Kolos Publ., 1922, pp. 92–237.
 6. Gorodetskiy S. Some currents in contemporary Russian poetry [Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii], *Antologiya akmeizma: Stikhi. Man ifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* (Acmeism Anthology: Poems. Mani festos. Article. Notes. Memoirs). Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1997, pp. 202–207.
 7. Gumilyov N. The heritage of symbolism and Acmeism [Nasledie simvolizma i akmeizm], *Apollon*, 1913, no. 1, pp. 42–45 Available at: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (accessed 05.06.2016).
 8. Efimov A. I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* (Stylistics of artistic speech), Moscow, Moscow state University Publ., 1961. 508 p.
 9. Zhirmunskij V. M. To the question about the syntax of Anna Akhmatova [K voprosu o sintaksise A. Ahmatovoj], *Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926* (Problems in the theory of literature. Article 1916–1926), Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 332–336. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm> (accessed 05.06.2016).
 10. Kihnej L. G. & Merkel' E. V. The semantics of «border» in the picture of the world of Anna Akhmatova [Semantika «granicy» v kartine mira Anny Ahmatovoj]. *Vestnik ToGU. Seriya: Filologiya*, 2012, no. 3, pp. 55–62.
 11. Klobukov T. V. Superlatives [Prevoskhodnaya stepen'], *Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* (A quick reference guide on modern Russian language), Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 238–239.
 12. Kormilov S. I. *Poeticheskoe tvorchestvo Anny Ahmatovoj* (Poetry of Anna Akhmatova), Moscow, Moscow state University Publ., 1998. 128 p.
 13. Mandelstam O. E. Morning of Acmeism [Utro akmeizma], *Sobranie sochinenij v 4 tomah* (Collected works in 4 vols.). Moscow, Art-Business-Centre Publ., 1993, vol. 1. Available at: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (accessed 05.06.2016).
 14. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* (National corpus of the Russian language). Available at: <http://search.ruscorpora.ru> (accessed 25.11.2015).
 15. Priyatkina A. F. *Russkij yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* (Russian language: the Syntax of complicated sentences), Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 176 p.
 16. *Russkaya grammatika* (Russian grammar). In 2 vol. N. Yu. Shvedova (ed.) [et al.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Available at: <http://rusgram.narod.ru> (accessed 11.07.2016).
 17. Sovsun V. Acmeism, or Adamism [Akmeizm, ili Adamizm], *Literaturnaya ehnciklopediya* (Literary encyclopedia). In 11 vol., vol. 1. Moscow, 1930. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-0702.htm> (accessed 05.06.2016).
 18. Tverdokhlebov O. G. The comparison Objects expressed by the genitive form of the name in eclectic language M. A. Zenkevich [Ob"ekty sravneniya, vyrazhennye formoj roditel'nogo padezha imeni v akmeisticheskom yazyke M. A. Zenkevicha], *Novalnfo.Ru*, 2016, no. 47-3, pp. 199–205.
 19. Timenchik R. D. To semiotic interpretations of the «Poem without a hero» [K semioticheskoj interpretacii «Poehmy bez geroya»], *Trudy po znakovym sistemam*

- (Works on sign systems), vol. VI. Tartu: Tartu state University Publ., 1973, Issue 308, pp. 438–442.
20. Eichenbaum B. M. Anna Akhmatova. Experience in the analysis [Anna Ahmatova. Opyt analiza], *O poezzii* (About poetry). Leningrad, Soviet writer Publ., 1969, pp. 75–147.
21. Yakovleva L. A. Apokalipsicheskaya semantika v poezzii Anny Ahmatovoj. Diss. kand. fil. Nauk / L. A. Yakovleva. Neryungri, 2014. 208 p.

* * *